АЛЕКСЕЙ ИСАЕВ

Неизвестный 1941

Остановленный блицкриг

Алексей Исаев

Неизвестный 1941. Остановленный блицкриг

«Яуза»
2012

Исаев А. В.

Неизвестный 1941. Остановленный блицкриг / А. В. Исаев — «Яуза», 2012

Новая книга ведущего военного историка! Переосмысление трагедии 1941 года. Переоценка первых сражений Великой Отечественной. Вся правда о великой битве за Белоруссию. Когда заходит речь об июньской катастрофе Западного фронта, на ум сразу приходят пылающие аэродромы, брошенные на обочинах новейшие Т-34 и КВ, понурые толпы пленных – историки до сих пор представляют Приграничное сражение как избиение огромной, плохо организованной массы красноармейцев немногочисленными, но мобильными и великолепно управляемыми немецкими войсками. Соответствуют ли эти представления действительности? Имела ли Красная Армия в июне 41-го численное превосходство на границе? «Спали» ли приграничные аэродромы? Был ли разгром Западного фронта неизбежной закономерностью – или следствием вопиющих ошибок командования? И как из хаоса, возникшего после окружения под Минском, всего за несколько недель вырос устойчивый фронт, заставивший гитлеровцев отложить наступление на Москву? Проанализировав колоссальный объем не только советских, но и немецких оперативных документов, прежде недоступных исследователям, Алексей Исаев приходит к сенсационным выводам, давая исчерпывающий ответ на самые сложные и болезненные вопросы отечественной истории.

© Исаев А. В., 2012
© Яуза, 2012

Содержание

Пролог 5
Глава 1. Хищник: Группа армий «Центр» 9
Глава 2. Жертва: Западный особый. 22
Люди, которые играют в игры. 29
Конец ознакомительного фрагмента. 34

Алексей Исаев
Неизвестный 1941.
Остановленный блицкриг

Автор выражает благодарность Н. Власову, Г. Дейчуку, В. Замулину, И. Островскому, А. Томзову, Д. Шеину за неоценимую помощь в работе над этой книгой.

Пролог

Прибывший в пять утра делегат связи козырнул и бесстрастно вручил пакет. Он даже не глушил свой мотоцикл. Хруст ломаемого сургуча и шорох плотной бумаги конверта потонули в удаляющемся реве двигателя. В названии извлеченного из конверта документа гремело железо: «Директива №27. Штаб Запфронта. Белосток». Глаза жадно выхватывали чеканные фразы: «Войска Западного фронта по выполнении частной операции по захвату Сувалкского выступа…», «стремительным ударом завершить разгром противостоящего противника, не дав ему соединиться с резервами из района Нейденбург и Варшава и отойти за р. Висла», «выйти главными силами на р. Висла в готовности к немедленному нанесению удара…», «подготовить выброску воздушных десантов». Город еще спал и даже не догадывался о причинах суеты людей в военной форме со звездами и «шпалами» в петлицах. Дата на листке отрывного календаря на стене не оставляла сомнений в реальности происходившего – 1941 год.

«Стоп, стоп, стоп!» – скажет читатель – «Какая Висла, какие десанты? Все знают, что Западный фронт в 1941 г. потерпел жестокое поражение. Что за альтернативная история?». Все это действительно так. Но Директива № 27 отнюдь не мистификация, более того ее действительно вручали генералам Красной армии ранним утром одного весеннего дня 1941 г. Происходило это в Минске. Документ был частью фронтовой оперативной игры, проведенной под руководством Военного совета Западного особого военного округа 15–21 марта 1941 г. В игре участвовали штабы всех трех армий округа, штаб ВВС и ряд других управлений. Их развезли по разным районам города, и командующие могли общаться друг с другом и штабом фронта как в настоящем сражении – по телефону и телеграфу.

Задание на игру формулировало сложившуюся к ее началу обстановку как вполне благоприятную: «В результате встречных сражений войска Западного фронта «восточных» отразили наступление «западных»…»

Настрой войск Западного особого военного округа существенно отличался от настроя армий многих других сражений Великой Отечественной войны. Те люди, которые отыгрывали наступление на Вислу, еще не имели оглушительного опыта разгрома и окружения. Внезапное появление в тылу танков с крестами, ходящие буквально по головам вражеские пикировщики – все это было в новинку. Люди июня 1941 г. еще не были так напуганы, подавлены заранее, как это имело место в дальнейшем, после череды катастроф. Еще была вера в обратимость катастрофического развития событий. 1 августа 1941 г. танковый генерал Мостовенко написал в заключении отчета о боевых действиях своего мехкорпуса: «Почему же нам, готовившимся к разгрому противника, его преследованию и уничтожению на р. Висла или зап[аднее], следует отказаться от крупных подвижных мехсоединений?»[1]. Пройдя через ад боев в белостокском выступе, отходя по забитым горящей техникой дорогам, он не забыл этой мечты о победе,

[1] ЦАМО РФ, ф.208, оп.2511, д.83, л.71.

наступлении и ударе на Вислу. Решительность и дерзость Мостовенко, о которой я расскажу в свое время, несомненно, связаны с теми весенними днями, когда он был в числе участников оперативной игры в Минске.

Неудачное начало войны, несомненно, негативно влияет на отношение к ней общества. Начавшаяся в августе 1914 г. с патриотического энтузиазма и бросания в воздух чепчиков война вскоре окатила русское общество ледяным душем – катастрофой армии Самсонова в Восточной Пруссии. Армия была окружена, сам генерал Самсонов застрелился. Те события небезосновательно считали предвестником последовавшей в 1917 г. революции.

В 20–30-е годы история с армией Самсонова стала излюбленным коньком в обличении царского руководства новой властью. Особенно в связи со вскрывшимися скандальными обстоятельствами разгрома: чтение немцами радиограмм, плохое взаимодействие армий Самсонова и Ренненкампфа итп. В пропагандистской литературе не жалели черных красок: «Напрасно генерал Жилинский, главнокомандующий Северо-Западного фронта, считал наступление в Восточную Пруссию заранее обреченным на верную неудачу, напрасно начальник штаба генерал Янушкевич отговаривал от немедленной атаки – из Парижа торопили. […] «Окончательным результатом» была гибель русских армий, но царь выполнил свой договор: за французское золото он расплатился кровью и жизнью трудящихся»[2]. В специальной литературе тоже не упускали случая пнуть предыдущих властителей: «Несомненно, Наполеон понимал это требование теории, и очень стремился под Лейпцигом не допустить сближения союзников; однако, с этой задачей ему справиться не удалось. Эта задача удалась Людендорфу во время Самсоновской операции; но это не заслуга германского командования – а непригодность командования русским северо-западным фронтом к своей деятельности»[3]. Считалось, что Красная армия не допустит подобного неудачного дебюта. Но, к сожалению, – накаркали. Великая Отечественная тоже началась с катастрофы с окружением войск.

Эпическая драма разгрома Западного фронта в июне 1941 г. стала в послевоенные годы притчей во языцех, своего рода аналогом истории с армией Самсонова. Особый колорит тем событиям придавал факт последовавшего вскоре расстрела командующего фронтом Павлова и ряда его сослуживцев. Н. С. Хрущев поспешил заявить, что он сразу увидел в Павлове плохого руководителя и даже загодя предупредил об этом Сталина. Но тот, якобы, ничего не хотел слушать. В своих воспоминаниях Никита Сергеевич озвучил поп-версию событий на Западном фронте: «Когда командующим в войска Белоруссии был назначен Павлов, я даже не знал о такой перестановке, что тоже характерно, хотя был членом Политбюро. […] А чем это кончилось, всем известно. Павлов в первые дни войны потерял управление войсками. Он совершенно не подготовил свои войска к гитлеровскому вторжению и потерял сразу технические средства: авиация была уничтожена на аэродромах, это мы знали. […] Сталин осудил Павлова и его начальника штаба. Эти люди были расстреляны в первые дни войны. Но фронт развалился, и немцы двинулись без всякого сопротивления в глубь нашей страны»[4].

Оборот «без всякого сопротивления» пусть останется на совести Никиты Сергеевича, но Павлов стал, несомненно, одним из самых известных советских военачальников. Если Хрущев отмахнулся от случившегося высокомерным «А я предупреждал!», писатель Стаднюк попытался проанализировать личность расстрелянного генерала. В эпопее «Война» он писал: «Но как же чувствует себя простой смертный, если судьба вдруг с такой стремительностью вознесла его к полному и наивысшему созвездию генеральских отличий…? И могут ли эти отличия заменить ему то многое, не выстраданное в нелегкой армейской службе, в напряженных штабных и полевых учениях и в тиши академических аудиторий, где в своей разнообразной

[2] История гражданской войны в СССР. Т. I. М.: ОГИЗ, 1936, С.11.

[3] Стратегия в трудах военных классиков. Т.II. – М.: Госвоениздат, 1926, С.133.

[4] Хрущёв Н.С. Время. Люди. Власть. (Воспоминания). Книга I. – М.: ИИК "Московские Новости", 1999, С.284-285.

совокупности неторопливо постигаются глубины военного опыта, постепенно созревает полководческий талант? [...] Родился ли из отважного командира Павлова полководец Павлов?»[5]. Действительно, в личности Павлова как в капле воды отразилась Красная армия 1941 г. Он был одним из многочисленных командующих, быстро выдвинувшихся на волне роста Красной армии и, не будем греха таить, освобождения высших командных должностей из-за репрессий. Версия о недостаточной подготовленности стремительно выдвинувшегося человека была одной из самых простых и понятных.

Однако поискам причины катастрофы на ниве психоанализа имели один существенный изъян. Было совершенно неочевидно, что простая замена персонажа могла изменить ход драмы. Словно тезис о том, что Западный фронт теоретически и практически мог устоять под ударом немцев, не требовал никаких доказательств. Какую-то роль в такой постановке вопроса, разумеется, сыграл сам итог боевых действий на советско-германском фронте – флаг над Рейхстагом. Точно так же превосходство Красной армии и Западного фронта в частности над противником в некоторых типах военной техники (танки, самолеты) работало на версию «командиры предали» точнее «неопытные выдвиженцы облажались». А если бы не они, то танковая группа Гудериана сгорела бы в полном составе где-нибудь под Барановичами. От конкретных рецептов счастья предпочитают при этом уклоняться, ограничиваясь общими словами вида «надо было Т-34 и КВ поставить в засады как Катуков под Мценском».

Даже простой встречный вопрос «где будем засады организовывать?» ставит в тупик. Ответ «на пути танковых полчищ Гота и Гудериана» повисает в воздухе т.к. Павлову, очевидно, нужно было заранее знать, где именно эти полчища будут наступать. Задача обороны Белоруссии кажется нам простой, когда мы смотрим на карту из многотомника советских времен, на которой уже четко обозначены направления ударов противника. Для того, чтобы влезть в шкуру Павлова нужно сначала уяснить себе, что многотомника хрущевских времен у него под рукой не было и свежих донесений от Штирлица из Берлина он не получал. Поэтому чтобы его судить имеет смысл хотя бы представить себя на месте командующего фронтом в июне 1941 г.

Есть в отношении 1941 г. также еще один странный стереотип. В приказах по итогам неудачных операций командиров и командующих Красной армии ругали за плохую организацию разведки, связи, ввод подразделений в бой по частям, распыление сил итп. промахи. Соответственно ввод в оборот этих документов привел к весьма своеобразному результату. Вермахт, то есть удачливый противник советских войск в 1941 г. естественным образом становился идеальным военной машиной. Казалось, что немцы двигаются в идеальном порядке, их разведка и связь работают с точностью морского хронографа и на все случаи жизни у них оказывается план действий. Отсюда оказывается один шаг до следующего, казалось бы, логичного вывода: немцы побеждали летом 1941 г. прежде всего ввиду своего качественного превосходства, нежели количественных показателей. Однако изучение немецких документов отнюдь не подтверждает эту версию. Выясняется, что сплошь и рядом немецкие дивизии, а то и корпуса действовали почти вслепую, имея весьма туманное представление о находящемся по другую сторону фронта противнике. Связь, в том числе по радио, пропадала на многие часы, и командование танковой группы могло по полдня пребывать в неизвестности относительно положения тех или иных ее подразделений. Принимаемые немецкими генералами решения также оказываются далеко не безупречными при ближайшем рассмотрении. Вместе с тем все это делает противника более живым, непохожим на размеренно двигающуюся механическую куклу.

На мой взгляд, здесь просто не нужно ставить телегу впереди лошади. Приказы Ставки, фронтов и армий об улучшении разведки, связи и прочего отдавались для того, чтобы увеличить эффективность действий войск. Они никоим образом не означали, что даже максимально возможное улучшение всего этого давало шанс на успех в тех условиях, в которых

[5] Стаднюк И.Ф. Война. М.: Воениздат, 1987,

оказалась Красная армия в 1941 г. Разведка, связь лучшего качества, конечно, могли положительно повлиять на ситуацию, но в большинстве случаев совершенно неочевидно, что они бы радикальным образом изменили результаты боестолкновений войск сторон. В лучшем случае те или иные советские части и соединения могли точно знать имена своих палачей т.е. нумерацию противостоящих немецких частей и соединений. Однако само по себе знание имени палача отнюдь не избавляет от неизбежной казни. Как мы увидим далее, с выяснением имен палачей было порой не так уж плохо. Но это мало помогало в изменении судьбы оказавшихся под угрозой окружения войск.

Осложнялась задача выяснения правды о первом поражении Красной армии недостатком свидетельских показаний. Как со стороны защиты, так и со стороны обвинения. В 1960-х годах, когда возник интерес общества к событиям войны, многие участники боев в Белоруссии уже были мертвы. Причем речь идет в первую очередь о лицах, принимавших решения, как говоря на западе decision maker-ах. Многие рядовые участники, конечно, были еще живы. Но для них происходившее чаще всего было маловразумительной мешаниной маршей, боев и отходов. Как ввиду недостатка знаний о содержании приказов их частям и соединениям, так и ввиду недостатка знаний по оперативным вопросам. Обладавшее нужными знаниями командование фронтом было расстреляно. От Павлова остались пространные, но далеко не исчерпывающие показания в НКВД. Оба командующих окруженных под Белостоком и Минском армий не оставили даже воспоминаний. Командующий 10-й армией К. Д. Голубев умер в 1956 г., командующий 3-й армией В. И. Кузнецов – в 1964 г. Оба командира танковых дивизий сильнейшего на Западном фронте 6-го мехкорпуса до 1960-х не дожили. Один погиб в бою в Крыму, второй – после войны в тюрьме. Документы же многих частей и соединений попросту не сохранились в аду окружения. Поэтому, как говорил известный юморист «начальника транспортного цеха» мы так и не услышали. Осталось довольствоваться обидным «без всякого сопротивления» из уст харизматичного генсека.

Со свидетельскими показаниями со стороны немцев также имелись серьезные проблемы. Ассортимент переводимых в СССР материалов был достаточно узок. К тому же, как мы увидим далее, мемуары давали сильно приглаженную и далеко не во всем соответствующую реальному положению дел версию событий. Немецкие документы же были практически недоступны как исследователям, так и широкой публике. Всё это сформировало целый ряд стереотипов о тогдашних событиях.

Одним словом на современном уровне исторического знания судьба Западного фронта летом 1941 г. требует вдумчивого исследования. Ответы на многие вопросы оказываются не так очевидны, как может показаться. Автор не претендует на всеобъемлющее и исчерпывающее описание событий в Белоруссии летом 1941 г. Масштаб и размах боевых действий был таков, что даже общее их описание потянет на книгу объемом с «Войну и мир». Однако я постарался остановиться на большинстве ключевых событий и дать картину, позволяющую понять механизм и основные линии развития боевых действий.

Глава 1. Хищник: Группа армий «Центр»

Цели и задачи войны против СССР были сформулированы Гитлером 31 июля 1940 г. на совещании в Бергхофе: «Мы не будем нападать на Англию, а разобьем те иллюзии, которые дают Англии волю к сопротивлению. Тогда можно надеяться на изменение ее позиции. […] Подводная и воздушная война может решить исход войны, но это продлится год-два. Надежда Англии – Россия и Америка. Если рухнут надежды на Россию, Америка также отпадет от Англии, так как разгром России будет иметь следствием невероятное усиление Японии в Восточной Азии». Таким образом, германское руководство искало в сокрушении СССР выход из стратегического тупика. Германия не имела возможности решить судьбу войны вторжением на британские острова. Непрямое воздействие виделось Гитлеру в уничтожении надежд Англии на победу над Германией даже в дальней перспективе. Одновременно сокрушение последнего потенциального противника на континенте позволяло немцам перенацелить военную промышленность на производство вооружений для морского флота и авиации.

Те же слова были повторены фюрером на совещании в штабе оперативного руководства Вермахта 9 января 1941 г. Он сказал следующее: «Англичан поддерживает только возможность русского вступления в войну. Будь эта надежда разрушена, они бы прекратили войну. Он [Гитлер] не верит в то, что англичане «совершенно спятили с ума»; если бы они не видели больше никакой возможности выиграть войну, они бы ее прекратили. Ведь если они ее проиграют, им уже больше никогда не иметь моральной силы удержать свою империю от распада. Но если они продержатся, если они сумеют сформировать 40—50 дивизий и им помогут США и Россия, для Германии возникнет очень тяжелая ситуация. Это произойти не должно. До сих пор он [фюрер] действовал по принципу: чтобы сделать шаг дальше, надо сначала разбить вражеские позиции. Вот почему надо разбить Россию. Тогда англичане либо сдадутся, либо Германия продолжила бы войну против Великобритании в благоприятных условиях. Разгром России позволил бы японцам всеми своими силами повернуть на США, а это удержало бы США от вступления в войну. Разгром Советского Союза означал бы для Германии большое облегчение [в войне против Англии]. Тогда на Востоке можно было бы оставить всего 40–50 дивизий, сухопутные силы можно было бы сократить, а всю военную промышленность использовать для нужд люфтваффе и военно-морского флота»[6]. Примерно в том же духе Гитлер высказался в разговоре с командующим группой армий «Центр» фон Боком 2 февраля 1941 г. Последний записал слова фюрера в своем дневнике в следующей формулировке: «Стоящие у власти в Англии джентльмены далеко не глупы, и не могут не понимать, что попытка затянуть войну потеряет для них всякий смысл, как только Россия будет повержена». То есть перед нами не вырванное из контекста высказывание, а осмысленная идея, постоянно озвучивавшаяся на совещаниях руководства.

После принятия политическим руководством Третьего Рейха летом 1940 г. политического решения о нападении на СССР военное руководство немецких вооруженных сил начало вести работу по разработке военных планов разгрома советских вооруженных сил.

[6] Откровения и признания. Нацистская верхушка о войне «Третьего Рейха» против СССР. Смоленск: Русич, 2000, С.125

Генерал-полковник Герман Гот, командующий 3-й танковой группой.

После нескольких предварительных разработок в сентябре 1940 г. начальник Генерального штаба сухопутных войск Франц Гальдер поручил разработку плана войны против СССР еще одному видному военачальнику Третьего Рейха, генерал-майору Фридриху Паулюсу. Последний тогда был только что назначен1-м оберквартирмейстером Генерального штаба. Именно его разработки, в конечном итоге, и легли в основу плана «Барбаросса». Первые соображения были доложены Гальдеру 17 сентября, затем под руководством Ф. Паулюса был проведен ряд игр на картах, уточнивших детали. План получил название «Отто». Главный удар предполагалось нанести севернее Припятских болот ввиду благоприятных дорожных условий и возможности прямого наступления на Москву и в Прибалтику. К восьмому дню операции предполагалось достичь районов между Днестром и Бугом, Могилев-Подольского, Львова, Барановичей и Каунаса. На двадцатые сутки войны «Немецкой армии удастся после тяжелых пограничных сражений в Западной Украине, в Белоруссии и в балтийских государствах захватить территорию и достигнуть рубежа: Днепр до района южнее Киева, Мозырь, Рогачев, Орша, Витебск, Великие Луки, южнее Пскова, южнее Пярну и тем самым выйти на линию, которая может стать исходным рубежом для наступления в направлении Москвы»[7]. Не позднее 40-го дня войны планировалось осуществить операцию против Москвы, с охватом советских войск западнее Брянска и Вязьмы (там же). Командование сухопутных сил считало, что в сражении под Москвой будут разбиты последние резервы Красной Армии, которые советское командование выставит для обороны столицы и война закончится до наступления осени.

Несмотря на то, что разработки Ф.Паулюса не были закончены (часть штабных игр планировалось провести в середине декабря 1940 г.), план был 5-го декабря 1940 г. доложен Гальдером Гитлеру. Для решения задачи сокрушения Советского Союза Гальдер назначает в своем докладе 102 пехотных, 32 танковых и моторизованных дивизий, из числа которых круп-

[7] Проэктор Д.М. Агрессия и катастрофа. Высшее военное руководство фашистской Германии во Второй Мировой войне 1939-1945. М. Наука. 1972, С.249 со ссылкой на W.Gorlits. Paulus: “Ich stehe hier auf Befehl!”, Frankfurt a/M., 1960, S.122

ные силы (две армии) вначале будут следовать во втором эшелоне. Существенной ошибкой Гальдера было предположение о том, что большая часть советских войск будет сосредоточена севернее Припятских болот. Однако и предыдущее исследование Грейфенберга[8], и разработка Зондерштерна[9] от 7 декабря 1941 г. совершенно справедливо полагали, что большая часть советских войск дислоцируется на Украине. Зондерштерн писал: «если вообще можно говорить о сосредоточении главных сил русских при их теперешней группировке, то оно находится в «Киевском особом военном округе»[10]. Но тем же вечером 5 декабря 1940 года начальник штаба оперативного руководства Йодль пригласил к себе Варлимонта и поручил ему на основании соображений штаба сухопутных сил разработать проект директивы верховного главнокомандующего о ведении войны против СССР. Проект был доложен Йодлю 16 декабря, а 17-го декабря папка с планом Ф.Паулюса легла на стол А.Гитлера. Им были внесены в план последние изменения. Варлимонт описал их так: «Если ОКХ [Главное Командование Сухопутных войск] считало критерием успеха всего похода направление главного удара на Москву, так как здесь будут разбиты развернутые на этом направлении основные силы противника, то Гитлер потребовал, чтобы центральная группа армий после уничтожения советских войск в Белоруссии сначала повернула бы часть своих сильных подвижных группировок на север, имея в виду во взаимодействии с северной группировкой уничтожить войска противника, сражающегося в Прибалтике, и далее, после овладения Ленинградом и Кронштадтом, наступала бы на Москву»[11].

Наконец, 21 декабря директива была утверждена. Гитлер дал ей название «Барбаросса». Общий замысел операции был сформулирован так: «Основные силы русских сухопутных войск, находящиеся в западной России, должны быть уничтожены в смелых операциях посредством глубокого, быстрого выдвижения танковых клиньев. Отступление боеспособных войск противника на широкие просторы русской территории должно быть предотвращено»[12]. Соответственно задачам была построена и форма операции, как в полосе группы армий «Юг», так и в полосе группы армий «Центр» она имела характерный для немецкого военного планирования вид «Канн», глубокого охвата флангов.

Общая задача была детализирована для немецких войск на московском направлении следующим образом:

«Театр военных действий разделяется Припятскими болотами на северную и южную части. Направление главного удара должно быть подготовлено севернее Припятских болот. Здесь следует сосредоточить две группы армий. Южная из этих групп, являющаяся центром общего фронта, имеет задачу наступать особо сильными танковыми и моторизованными соединениями из района Варшавы и севернее ее и раздробить силы противника в Белоруссии».

После разгрома советских войск в Белоруссии предполагалось силами центральной группы нанести удар в северном направлении:

«Таким образом, будут созданы предпосылки для поворота мощных частей подвижных войск на север, с тем чтобы во взаимодействии с северной группой армий, наступающей из Восточной Пруссии в общем направлении на Ленинград, уничтожить силы противника, действующие в Прибалтике. Лишь после выполнения этой неотложной задачи, за которой должен последовать захват Ленинграда и Кронштадта, следует приступить к операции по взятию Москвы – важного центра коммуникаций и военной промышленности».

---

[8] Генерал-майор Ханс фон Грейфенберг – будущий начальник штаба группы армий «Центр».

[9] Генерал пехоты Георг фон Зондерштерн – будущий начальник штаба группы армий «Юг».

[10] Дашичев В.И. Банкротство стратегии германского фашизма. М.: Наука, т.2, С.84

[11] Проэктор Д.М.. Агрессия и катастрофа. Высшее военное руководство фашистской Германии во Второй Мировой войне 1939-1945. – М. Наука. 1972 г., С.252 со ссылкой на W.Warlimont Im Hauptquartier der deutschen Wehrmacht 1939-1945. Frankfurt a/M., 1962, S.152

[12] 1941 г. Документы, С.452.

Захват Ленинграда и Кронштадта означал как безопасность морских перевозок по Балтике, так и высвобождения сил для нанесения удара на Москву. На всякий случае необходимо отметить, что поворот на юг в тыл советским войскам на Украине в Директиве №21 не предполагался даже в виде одного из возможных вариантов.

Завершалась Директива №21 словами: «Я ожидаю от господ главнокомандующих устных докладов об их дальнейших намерениях, основанных на настоящей директиве. О намеченных подготовительных мероприятиях всех видов вооруженных сил и о ходе их выполнения докладывать мне через Верховное главнокомандование вооруженных сил (ОКВ)». Т.е. командующим группами армий сформулировали их задачи в общем виде и предлагали им разработать свои детализированные предложения по ведению операций. В течение января 1941 г. был проведен ряд игр на картах и сформулированы идеи, на которых должны были базироваться действия немецких войск на каждом из операционных направлений. Итог всей этой работе был подведен на совещании, состоявшемся в Берлине 31 января 1941 г. На этом совещании Фельдмаршал фон Браухич информировал командующих группами армий, что германский план базируется на предположении, что Красная армия даст сражение к западу от линии Западной Двины и Днепра.

Относительно последнего замечания фон Бок скептически отметил в своем дневнике: «Когда я спросил Гальдера, есть ли у него точная информация относительного того, что русские будут удерживать территорию перед упомянутыми реками, он немного подумал и произнес: «Такое вполне может быть»». Таким образом, германское планирование с самого начала исходило из некоего предположения, основанного на общих рассуждениях. Действия противника т.е. Красной армии, могли отличаться от предполагаемых германским высшим командованием. Причем это могло быть обусловлено как объективными причинами, так и субъективными.

По итогам совещания на свет появился документ, озаглавленный «Директива по стратегическому сосредоточению и развертыванию войск (операция "Барбаросса")» от 31 января 1941 г.. В ней общая задача группы армий «Центр» была сформулированы следующим образом:

«Севернее Припятских болот наступает группа армий "Центр" под командованием генерал-фельдмаршала фон Бока. Введя в бой мощные танковые соединения, она осуществляет прорыв из района Варшавы и Сувалок в направлении Смоленска; поворачивает затем танковые войска на север и уничтожает совместно с группой армий "Север", наступающей из Восточной Пруссии в общем направлении на Ленинград, советские войска, находящиеся в Прибалтике» [13].

Также готовящаяся операция приобрела более четкие контуры с распределением задач между объединениями, выделенными каждой из групп армий. Задача группы армий в центральном секторе звучала следующим образом:

«б) Группа армий «Центр», сосредоточив свои главные силы на флангах, раскалывает вражеские силы в Белоруссии. Подвижные соединения, наступающие южнее и севернее Минска, своевременно соединяются в районе Смоленска и таким образом создают предпосылки для взаимодействия крупных сил подвижных войск с войсками группы армий «Север» с целью уничтожения сил противника, находящихся в Прибалтике и в районе Ленинграда.

В рамках этой задачи, по указаниям командования группы армий «Центр», танковые группы и армии выполняют следующие задачи.

2-я танковая группа, взаимодействуя с 4-й армией, прорывает вражеские пограничные укрепления в районе Кобрина и севернее и, быстро продвигаясь на Слуцк и Минск, во взаимодействии с 3-й танковой группой, наступающей в районе севернее Минска, создает предпосылки для уничтожения войск противника, находящихся между Белостоком и Минском. Ее

[13] 1941 год. Документы. С.576.

дальнейшая задача в тесном взаимодействии с 3-й танковой группой как можно скорее захватить местность в районе Смоленска и южнее его, воспрепятствовать сосредоточению сил противника в верхнем течении Днепра, сохранив тем самым группе армий «Центр» свободу действий для выполнения последующих задач.

3-я танковая группа во взаимодействии с 9 й армией прорывает вражеские пограничные укрепления севернее Гродно, стремительно продвигается в район севернее Минска и во взаимодействии с наступающей с юго-запада на Минск 2-й танковой группой создает предпосылки для уничтожения сил противника, находящихся между Белостоком и Минском. Последующая задача 3-й танковой группы: тесно взаимодействуя со 2-й танковой группой, ускоренными темпами достигнуть района Витебска и севернее, воспрепятствовать сосредоточению сил противника в районе верхнего течения Двины, обеспечив тем самым группе армий свободу действий в выполнении последующих задач

4-я армия, нанося главный удар по обе стороны Брест-Литовска, форсирует р. Буг и тем самым открывает дорогу на Минск 2-й танковой группе. Основными силами развивает наступление через р Шара у Слонима и южнее, используя успех танковых групп, во взаимодействии с 9-й армией уничтожает войска противника, находящиеся между Белостоком и Минском В дальнейшем эта армия следует за 2-й танковой группой, прикрывая свой левый фланг со стороны Припятских болот, захватывает переправу через р Березину между Бобруйском и Борисовом и форсирует р. Днепр у Могилева и севернее

9-я армия во взаимодействии с 3-й танковой группой наносит главный удар северным крылом по группировке противника, расположенной западнее и севернее Гродно, используя успех танковых групп, стремительно продвигается в направлении Лиды, Вильнюса и уничтожает совместно с 4 й армией силы противника, находящиеся между Белостоком и Минском. В дальнейшем, следуя за 3-й танковой группой, выходит на р Западная Двина у Полоцка и юго-восточнее его»[14].

Как мы видим, рефреном в перечне задач группы армий «Центр» звучат слова «уничтожает войска противника», «уничтожает силы противника». Объектом действий немецких войск должна была стать Красная армия. Именно уничтожение ее в ряде последовательных операций, как считало германское командование, обеспечит в последующем решение задач политических и экономических.

Главным инструментом, предназначенным для достижения целей, поставленных планом «Барбаросса», должны были стать танковые группы. На тот момент они, безусловно, были вершиной развития организации танковых войск. Танки стали одним из главных действующих лиц на поле боя Второй Мировой войны. Однако характер их использования по сравнению с 1916–18 гг. существенно изменился. Характерные для того периода атаки танков совместно с пехотой остались, но они были лишь одним из способов применения бронетехники. Большим шагом вперед стало создание самостоятельных механизированных соединений – танковых и моторизованных дивизий. Немцы длительное время опережали своих противников в создании и применении этого средства борьбы. Согласно «Директивам по вождению танковой дивизии» 1940 г. указывалось «Бронетанковая дивизия действует, как правило, в составе бронетанкового корпуса». Немецкий танковый, точнее моторизованный корпус образца июня 1941 г. состоял из одной-двух танковых и двух или одной моторизованной дивизии. Иногда ему придавались пехотные дивизии. Танковые группы в том виде, в котором они существовали к началу войны с СССР, являлись промежуточной инстанцией между моторизованным корпусом и армией. В танковую группу входило два-три моторизованных корпуса, иногда ей придавались пехотные армейские корпуса. Промежуточное положение между корпусом и армией позволяло подчи-

[14] Дашичев В.И. «Совершенно секретно! Только для командования!» Стратегия фашистской Германии в войне против СССР. Документы и материалы. М.: Наука, 1967, С.162-163.

нять танковые группы полевым армиям, хотя танковые командиры относились к этому без восторга. Часто группы армий брали управление танковой группой на себя. Следующим шагом стали танковые армии осенью 1941 г., но это уже совсем другая история.

При численности танковой группы от 130 до 200 тыс. человек и полной механизации и моторизации ее основных соединений, она могла использоваться для прорывов на большую глубину. Такая масса людей и техники обладала достаточной самостоятельностью для действий в отрыве от основных сил группы армий. Командованию даже приходилось одергивать командующих танковыми группами. Так ещё на этапе планирования кампании командующий 3-й танковой группой Герман Гот вызвал неудовольствие фон Бока. 18 марта 1941 г. фон Бок записывает в своем дневнике:

«Подключение к первой фазе наступления 3-ей танковой группы представляет известные сложности. Гот забегает вперед, изначально устремляя свой взгляд на позиции русских за Двиной и Днестром, и уделяет недостаточно внимания сражениям, которые могут развернуться на подступах к этим водным рубежам. Армейское командование однако считает, что первейшей задачей бронетанковых групп является оказание помощи полевым войскам в разгроме русских армий, дислоцирующихся на границе. И хотя я во многом солидарен с Готом, мне придется поубавить ему прыти. Но он свои позиции без борьбы не уступит. По этой причине я отрядил Трескова в Берлин, чтобы он там выяснил, насколько твердо армейское командование в своих намерениях».

Два «гения блицкрига»: командир истребительной эскадры JG51 Вернер Мельдерс (слева) и командующий 2-й танковой группой Гейнц Гудериан обсуждают взаимодействие танков и авиации.

Действительно, фон Бок весьма скептически относился к предположению верховного командования вермахта о готовности Красной армии дать бой к западу от Днепра и Западной Двины. Вместе с тем он осознавал, чтосведение крупных механизированных соединений в танковую группу не означает ее отрыва от задач полевых армий. Германское военное руководство предпочитало держать танки преимущественно в самостоятельных соединениях. Но это был лишь инструмент для решения задач полевыми армиями. Поэтому достаточно часто танковые группы подчинялись тому или иному армейскому управлению, и лишь иногда – непосредственно группе армий.

Но само наличие в руках командующего танковой группой такого мощного объединения будило амбиции и заставляло смотреть далеко вперед. Гот здесь не был исключением. Бывший командующий 1-й танковой группой Эвальд фон Клейст, уже в советском плену, охарактеризовал свойства этого объединения любопытным и даже где-то поэтическим сравнением: «Танковую группу, как средство оперативного управления армейской группировкой, можно

сравнить с охотничьим соколом, который парит над всем оперативным районом армейской группировки[15], наблюдает за участком боя всех армий и стремительно бросается туда, где уже одно его появление решает исход боя»[16].

Обладая столь мощным инструментом ведения войны, еще на этапе планирования операции германские штабисты не стеснялись называть в приказах города и реки довольно далеко от границы. К тому же в отличие от групп армий «Север» и «Юг» группа армий на центральном участке советско-германского фронта получила не одну, а две танковых группы. Это были 2-я танковая группа Гейнца Гудериана и 3-я танковая группа Германа Гота. Задачи 2-й танковой группы формулировались следующим образом:

«…прорвать пограничные укрепления с обеих сторон от Бреста и наступать вдоль шоссе 1 и 2 на Слуцк и Минск, далее в район Смоленска, чтобы предотвратить сосредоточение войск противника, уничтожить вражеские силы по эту сторону Днепра и открыть дорогу к столице противника – Москве…

Первой задачей группы является уничтожение находящихся в районе Белостока и Волковыска вражеских сил быстрым ударом на Минск во взаимодействии с наступающей через Олиту и Вильну в район севернее Минска 3-й танковой группой, чтобы затем без остановки захватить район Смоленска»

Задачи танковой группы Гота были симметричны поставленных его коллеге Гудериану. Звучали они следующим образом:

«3-я танковая группа, сначала подчиненная командованию 9-й армии, затем идущая перед левым крылом группы армий, наступает западнее Немана на Меркине, Олиту и Приени и захватывает там переправы. Не дожидаясь подхода следующих за ней дивизий, танковая группа атакует предполагаемые в районе Вильны силы противника и отрезает их от Минска. Имея цель обойти с севера группировку противника в районе Минска, танковая группа продвигается до линии Молодечно – Нарочь-озеро, готовая развернуться на восток в сторону Борисова, чтобы совместно с наступающей на Минск с юго-запада 2-й танковой группой уничтожить противника в районе Минска или продолжить опережающее преследование в направлении верхней Дюны на Витебск и севернее этого города…»

Роль и место механизированных соединений в прорыве обороны противника было предметом ожесточенных споров военных теоретиков и практиков по обе стороны фронта. Советская военная школа считала целесообразным ввод танковых дивизий (корпусов) в прорыв, который пробивает в построении противника пехота. Главным аргументов в пользу такого использования мехсоединений было сохранение их ударной силы для дальнейших действий в глубине обороны противника. Однако среди советских военачальников было немало тех, кто считал целесообразным вводить танки в бой за вторую полосу обороны. К таковым относился, например, И. С. Конев. Он часто вводил вверенные ему танковые армии не в чистый прорыв, а в бой. Конев считал, что, во-первых, так оборона противника будет прорвана быстрее, а, во-вторых, наступающему будет легче отражать танковые контратаки. Тема обсуждалась на декабрьском 1940 г. совещании командного состава РККА, однако единого мнения выработано не было. В ходе войны имели место оба варианта использования танковых армий и танковых(механизированных) корпусов.

Немецкая танковая школа исповедовала принцип ввода танков в бой уже за первую линию обороны. Именно такую стратегию исповедовали командиры группы армий «Центр». Танковые дивизии 2-й и 3-й танковых групп утром 22 июня имели собственную полосу наступления, они стояли в первом эшелоне плечом к плечу с пехотными соединениями. Вместе с

---

[15] Вероятно неудачный перевод, скорее всего имеется в виду «группа армий». Прим. автора.

[16] Генералы и офицеры вермахта рассказывают… Документы из следственных дел немецких военнопленных. 1944-1951. М.: МФД, 2009, С.63.

тем имели прецеденты первоначального прорыва осуществляла пехота. Это имело место 22 июня в соседней 1-й танковой группе Э. фон Клейста. Форсирование Буга и захват плацдарм в полосах III и XXXXVIII моторизованных корпусов проводили пехотные дивизии и только в середине дня в бой вступали танковые дивизии.

Гудериан объяснял свою приверженность к вводу в бой, а не в прорыв следующим образом: «Генералы, не имевшие отношения к танковым войскам, придерживались мнения, что первый удар следует нанести пехотными дивизиями, проведя предварительно сильную артиллерийскую подготовку, а танки ввести в бой лишь после того, как вклинение достигнет известной глубины и наметится возможность прорыва. Напротив, генералы танкисты придавали большое значение использованию танков с самого начала в первом эшелоне, потому что именно в этом роде войск они видели ударную силу наступления. Они считали, что танки могут быстро осуществить глубокое вклинение, а затем немедленно развить первоначальный успех, используя свою скорость. Генералы сами видели результаты использования танков во втором эшелоне во Франции. В момент успеха дороги были запружены бесконечными, медленно двигающимися гужевыми колоннами пехотных дивизий, которые препятствовали движению танков»[17].

В этом Гудериана поддержал Гот. В своей книге «Танковые операции» он позднее выдвинул точно такие же аргументы, основываясь на том же опыте кампании во Франции: «конные обозы пехотных дивизии, несмотря на запрет, выезжали на дороги, отведенные для движения механизированный войск. В результате подходящие танковые дивизии именно в момент намечающегося успеха оказывались закрытыми на "своих" же дорогах обозами пехотных соединений»[18].

Надо сказать, что в словах Гудериана, и Гота, несомненно, было рациональное зерно. От командования 1-й танковой группы Э. фон Клейста потребовались определенные усилия по проталкиванию танковых дивизий через взламывающий оборону на границе пехотный таран 22 июня 1941 г. Происходило именно то, что предсказывали командующие 2-й и 3-й танковыми группами – забивание дорог пехотой. При этом у Клейста в первый день наступления вводились всего две танковые дивизии, а у Гудериана и Гота предусматривалось одновременное наступление куда большего количества дивизий.

Гот, кроме того, выдвигал еще один аргумент против ввода его группы в прорыв. Он писал: «у 3-й танковой группы условия наступления были таковы, что пехотные дивизии ни при каких обстоятельствах не смогли бы преодолеть расстояние до переправ за один день, а это дало бы противнику время подготовить оборону за Неманом». Проще говоря, он считал, что танки из первого эшелона быстрее добегут до Немана, если не до взрыва мостов, то до организации обороны по рубежу этой реки.

Итак, плечом к плечу с Готом «быстрый Гейнц» энергично отразил все попытки вышестоящего командования склонить его к использованию танковых дивизий в качестве эшелоне развития успеха после пехотного прорыва. После этого Гудериан озаботился проблемой штурма Брестской крепости. Он вспоминал: «Танки смогли бы взять ее [Брестскую крепость] только внезапным ударом, что мы и попробовали сделать в 1939 г. Но в 1941 г. условий для этого уже не было. Поэтому я решил танковыми дивизиями форсировать Зап. Буг по обе стороны Брест-Литовска, а для наступления на крепость попросил подчинить мне пехотный корпус»[19]. Отсылка к опыту 1939 г. не случайна. По иронии судьбы подчиненным Гудериану войскам предстояло штурмовать Брестскую крепость во второй раз, первый раз был в ходе польской кампании.

---

[17] Гудериан Г. Воспоминания солдата. Смоленск: Русич, 1999, С.198-199.

[18] Гот Г., Танковые операции. М.: Воениздат, 1961, С.59.

[19] Там же, С.199.

Также командующий 2-й танковой группы еще на этапе планирования операции уделил особое внимание защите своего левого фланга. В мемуарах он объяснял это так: «левому флангу угрожала наибольшая опасность, так как в районе Белостока, по полученным сведениям, находилась сильная группировка русских; следовало предположить, что эта группировка, узнав об опасности, которая будет создана выходом в ее тыл наших танков, попытается избежать окружения, двигаясь по шоссе Волковыск, Слоним»[20].

Проблему прикрытия фланга предполагалось решать глубоким эшелонированием войск группы. Третий моторизованный корпус, находившийся в подчинении 2-й танковой группы, XXXXVI корпус генерала танковых войск барона фон Фитингофа, был выделен во второй эшелон. По мере развития наступления он должен был занять место позади левофлангового XXXXVII моторизованного корпуса Лемельзена. В целом нельзя не отметить достаточно хорошо продуманного построения танковой группы Гудериана. Тем более удивительно, что с началом боевых действий он начал собственноручно эту стройную систему перетряхивать, меняя свой первоначальный план до неузнаваемости.

Тем не менее, тактика и стратегия применения танковых войск фактически вырабатывались методом проб и ошибок. Германская военная школа в 1941 г. придерживалась мнения, что танки можно и нужно применять для борьбы с танками противника. В утвержденных ОКХ «Директивах по вождению танковой дивизии» 1940 г. указывалось: «Если танковая дивизия во время наступления наткнулась на танки противника, то борьба против танков становится основной задачей по сравнению с остальными». Т.е. немецкие танкисты с самого начала настраивались на танковые бои. Столкновение с новыми советскими танками вскоре охладит их пыл.

Помимо танковых групп важнейшим инструментом решения поставленных в «Барбароссе» задач должна была стать авиация. Согласно вышеупомянутой «Директиве по стратегическому сосредоточению и развертыванию войск» от 31 января 1941 г. задачи Люфтваффе, германских военно-воздушных сил, формулировались следующим образом: «На первом этапе операции ВВС должны сосредоточить все свои усилия на борьбе с авиацией противника и на непосредственной поддержке сухопутных войск»[21].

Авиация была одним из главных инструментов германского «блицкрига». Хотя изначально ВВС Третьего Рейха не нацеливались на плотное взаимодействие с сухопутными войсками, к 1941 г. именно это стало коньком Люфтваффе. Опыт войны в Испании показал действенность воздушной поддержки атак на земле. Для эффективной реализации этой стратегии требовалось расчистить небо на направлениях главных ударов.

Одним из методов борьбы с авиацией противника было ее уничтожение на аэродромах. Испания в этом отношении дала немцам бесценный опыт и стала своего рода полигоном для отработки тактики и стратегии такой борьбы. В ночь на 2 октября 1936 г. 2 принадлежавших франкистам бомбардировщика Ю-52 бомбили республиканский аэродром Хетафе. На нем выстроились в линию 9 самолетов, составлявшие основу республиканской авиации на мадридском направлении. Они были уничтожены одним ударом. В дальнейшем немцы непрерывно оттачивали в Испании тактику удара по аэродромам. Так на Северном фронте в 1936–37 гг., где активно действовал «Легион Кондор» из 62 потерянных республиканцами И-15 и И-16 около трети (18 машин) было уничтожено на аэродроме бомбардировкой противника.

Решение такой амбициозной задачи как уничтожение авиации на аэродромах требовало тщательной подготовки. Важнейшую роль в успехе, достигнутом в июне 1941 г. сыграла немецкая воздушная разведка, проводившаяся еще до начала войны. Эти полеты проводились так

---

[20] Гот Г. Указ. соч., С.200.

[21] Дашичев В. И. «Совершенно секретно! Только для командования!» Стратегия фашистской Германии в войне против СССР. Документы и материалы. М.: Наука, 1967, С.167.

называемой «командой Ровеля» (Kommando Rowehl), названной так по имени ее командира – полковника Тео Ровеля. Официально она называлась «разведывательная группа главнокомандования Люфтваффе» (Aufklärungsgruppe des Oberbefehlshabers der Luftwaffe, сокращенно Aufkl. St. (F)/Ob. d. L.). Команда Ровеля была создана еще в 1933–34 гг., когда Люфтваффе еще официально не существовало в природе. Первоначально она использовала для разведки гражданские авиалайнеры. Надо сказать, что подопечные Ровеля не были новичками в небе СССР. Группа уже вела разведку в небе Советского Союза в середине 1930-х. Еще с 1934 г. немцы летали над Кронштадтом и фотографировали корабли Балтийского флота. Более того, один из самолетов команды Ровеля был потерян из-за аварии в ходе полета над Крымом. Советское руководство тогда отделывалось вялыми протестами по дипломатическим каналам. Можно даже сказать, что разведывательная деятельность Ровеля не прекращалась за исключением периода с сентября до декабря 1940 г., когда Гитлер запретил все полеты разведчиков над советской территорией. Фюрер считал, что преждевременная интенсификация разведки может спугнуть противника. Поэтому не следует думать, что в 1941 г. советское руководство внезапно впало в идиотизм. Деятельность немецких самолетов-разведчиков просто уже стала привычной.

Бомбардировщик Дорнье Do-17Z. Этих не самых новых машин было довольно много во 2-м воздушном флоте и особенно во VIII авиакорпусе.

Команда Ровеля возобновила работу над территорией СССР в первые месяцы 1941 г. К тому моменту в ее составе было четыре эскадрильи. Первая летала с аэродрома Краков в Польше, вторая – из района Бухареста в Румынии и третья – с аэродрома Хамина в Финляндии. Вопреки распространенному мнению, группа Ровеля не была поголовно вооружена высотными Ю-86Р. Первые три эскадрильи были вооружены преимущественно Дорнье-215, а также неко-

торым количеством Ю-88, Хе-111 и даже Ме-110. Высотные Ю-86Р попали в распоряжение команды Ровеля в 1940 г. и к 1941 г. были собраны в 4-й эскадрилье группы (пять Ю-86Р на апрель 1941 г.), известной также как «испытательный центр высотных полетов». Они летали с аэродромов в Бухаресте и Кракове. Всего командой Ровеля было выполнено свыше 500 полетов над территорией СССР. Вспоминает летчик-истребитель Клименко В.И. Рядом, в 100–125 км от Шауляя, проходила граница с Германией. Близость ее мы ощущали на своей шкуре. Во-первых, непрерывно шли военные учения Прибалтийского военного округа, во-вторых, на аэродроме дежурила в полной боевой готовности авиаэскадрилья или, в крайнем случае, звено истребителей. Встречались мы и с немецкими разведчиками, но приказа сбивать их у нас не было, и мы только сопровождали их до границы. Непонятно, зачем тогда поднимали нас в воздух, чтобы поздороваться что ли?!.

Характерный профиль полета немецких разведчиков дает один из первых полетов группы Ровеля 6 января 1941 г. Самолет-разведчик пересек границу, углубился на 24 км и далее пролетел 161 км над советской территорией и вернулся обратно. Вглубь территории Советского Союза летали, конечно, только высотные самолеты. При отсутствии у СССР в 1941 г. сплошного поля обзора воздушного пространства радиолокаторами полеты на высотах свыше 10 тыс. метров были относительно безопасными. Но далеко не все полеты разведчиков проходили гладко. 15 апреля Ю-86Р, вылетевший из Кракова для фотографирования в район Житомира, был вынужден снизиться из-за неисправности двигателя. В районе Ровно самолет был сбит советским истребителем. Однако в общем случае сбить летящий на большой высоте Ю-86Р было непростой задачей. По крайней мере, другие известные на данный момент случаи перехвата высотных разведчиков были неудачными.

С середины апреля до середины июня 1941 г. полеты команды Ровеля осуществлялись с завидной систематичностью – по три вылета в день. Главной их задачей было обновление информации, собранной в аналогичных полетах весной 1940 г. 21 июня 1941 г. 4-я эскадрилья команды Ровеля вернулась на место своего постоянного базирования, на аэродром Берлин-Рангсдорф для продолжения разведки на Западе. Три остальные эскадрильи продолжили свою деятельность после начала войны. Результаты кропотливой работы «команды Ровеля» позволили немецкому командованию спланировать гигантскую по своим масштабам операцию по разгрому ВВС приграничных округов на аэродромах.

Для взаимодействия с группой армий «Центр» был выделен 2-й воздушный флот генерал-фельдмаршала А. Кессельринга. Основными его соединениями были II и VIII авиакорпуса. Правофланговые 4-ю армию и 2-ю танковую группу должен был поддерживать II авиакорпус, а VIII авиакорпус нацеливался на поддержку 9-й армии и 3-й танковой группы. Командовали авиакорпусами генералы Б. Лёрцер и В. фон Рихтгофен соответственно. Приоритетной задачей авиакорпусов была поддержка наступления танковых групп. Всего в составе двух авиакорпусов было 8 групп бомбардировщиков (299 самолетов), 8 групп пикирующих бомбардировщиков (293 самолета Ju87B/R), 9 групп истребителей (363 истребителя), 2 группы двухмоторных истребителей (60 Bf110C/D/E), две группы штурмовиков (38 Bf109E и 22 Hs123) и три эскадрильи дальних разведчиков (30 самолетов). Также 2-му воздушному флоту были приданы две группы транспортной авиации (60 самолетов) и 3 связных эскадрильи (30 самолетов). Армейская авиация была представлена 4 эскадрильями дальних разведчиков (40 самолетов), 11 эскадрильями ближних разведчиков (110 самолетов) и 3 связными эскадрильями (30 самолетов). Всего в составе 2-го воздушного флота с учетом разведчиков, транспортных самолетов и самолетов, предназначенных для взаимодействия с сухопутными войсками, было около 1600 машин. Развернутые данные о составе и базировании авиасоединений 2-го воздушного флота см. в Приложении.

Согласно данным о среднемесячной численности подчиненные группе армий «Центр» объединения в июне 1941 г. насчитывали:

3-я танковая группа – 130 657 человек;
9-я армия – 382 273 человек;
4-я армия – 490 989 человек;
2-я танковая группа – 181 752 человека.

Таким образом, численность группы армий «Центр» перед нападением на СССР приближалась к цифре в 1,2 млн. человек. Это было мощное объединение, способное решать самые сложные задачи. Численность 4-й армии Гюнтера фон Клюге вообще является своего рода рекордом для советско-германского фронта. Немногие армии на Восточном фронте впоследствии имели хотя бы сравнимую с ней численность. Она была самым настоящим монстром. Как, впрочем, и вся группа армий «Центр». И в прямом, и в переносном смысле.

Глава 2. Жертва: Западный особый.

Планы: а мы пойдем на Вислу…

Готовясь к войне будущей, неизбежно оглядываются на опыт войны предыдущей. Для России Первая Мировая война прошла в коалиции со странами Антанты и под знаком серьезных экономических и внутриполитических трудностей. Во избежание экономических трудностей проводилась индустриализация. Среди мер по устранению угрозы внутриполитической нестабильности можно назвать политические репрессии 1930-х годов. Впрочем, обсуждение этого вопроса выходит за рамки данного исследования. Более интересным является вопрос военного планирования СССР в последние предшествовавшие 22 июня 1941 г. месяцы. В ходе Первой Мировой войны неоднократно возникали трения между союзниками на почве выработки приемлемой коалиционной стратегии. Собственно опасения относительно возможности повторения негативного опыта привели к неудаче переговоров с военными делегациями Англии и Франции в августе 1939 г. СССР были нужны четкие планы и обязательства, у союзников их не было. В итоге маятник качнулся, и от союзников отказались вовсе. 23 августа 1939 г. был заключен вызывающий и поныне бурные дискуссии пакт Молотова-Риббентропа. Трудно судить, как складывались бы события в случае вступления СССР во Вторую Мировую войну в коалиции с Англией и Францией, но без четко оговоренных обязательств. Однако в реальности СССР летом 1940 г. оказался с Германией она континенте один на один. С одной стороны это развязывало руки в вопросах планирования, с другой – требовало большего наряда сил (второго сухопутного фронта у противника просто не было).

Генерал армии Д.Г.Павлов, командующий Западным особым военным округом.

Основные усилия планирования в тот период сосредотачивались на так называемой первой операции. При этом планирование исходило из того, что формальное начало войны не совпадет по времени с вводом сторонами главных сил своих войск. Соответственно между переходом двух стран в состояние войны и началом первой операции будет период мобилизации, сосредоточения и развертывания войск. На границе при этом будут идти бои той или иной степени интенсивности, также обмен авиаударами. Первая операция должна была начаться только через две недели после перехода в состояние войны. Поэтому не следует удивляться тому, что наряд сил для действий по известным нам сегодня советским планам первой операции никак

не совпадает с реально численностью войск в армиях с теми же номерами, стоявшими на границе утром 22 июня 1941 г.

Разработчиком документов советского военного планирования являлся начальник Генерального штаба Красной Армии. Соответственно руководителями оперативных разработок были последовательно Маршал Советского Союза Б. М. Шапошников (до августа 1940 г.), затем – генерал армии К. А. Мерецков (до февраля 1941 г.), а в последующем – генерал армии Г. К. Жуков. Непосредственными исполнителями были генерал-майор А. М. Василевский (северное, северо-западное и западное направление), генерал-майор А. Ф. Анисов (юго-западное и южное направления), а также генерал-лейтенант Н. Ф. Ватутин.

Заголовок у советских военных планов 1940 г. был «Соображения об основах стратегического развертывания вооруженных сил Советского Союза». Результат размышления Б. М. Шапошникова над новым профилем границы был отражен в документе, датированном 19 августа 1940 г. По мнению Бориса Михайловича, следовало построить планирование вокруг следующих тезисов: «Считая, что основной удар немцев будет направлен к северу от устья р. Сан, необходимо и главные силы Красной Армии иметь развернутыми к северу от Полесья. На Юге – активной обороной должны быть прикрыты Западная Украина и Бессарабия и скована возможно большая часть германской армии. Основной задачей наших войск является – нанесение поражения германским силам, сосредоточивающимся в Восточной Пруссии и в районе Варшавы: вспомогательным ударом нанести поражение группировке противника в районе Ивангород. Люблин, Грубешов. Томашев»[22]. Фактически основной идеей плана является воспроизведение действий русской армии 1914 года, штурм цитадели Восточной Пруссии ударами с северо-запада и в обход Мазурских озер.

Однако руководство Генерального штаба меняется, и соответствующие изменения претерпевают советские военные планы. Новый начальник Генштаба К. А. Мерецков к тому моменту уже имел неоднозначный опыт штурма «Линии Маннергейма» зимой 1939–1940 г. Соответственно перспектива взламывать куда более совершенные укрепления немцев в Восточной Пруссии его явно не прельщала. Ось советского военного планирования стала смещаться на юг. Следующий вариант плана появляется 18 сентября 1940 г. Основные задачи войск обрисованы в нем следующими словами: «Главные силы Красной Армии на Западе, в зависимости от обстановки, могут быть развернуты или к югу от Брест-Литовска с тем, чтобы мощным ударом в направлениях Люблин и Краков и далее на Бреслау (Братислав) в первый же этап войны отрезать Германию от Балканских стран, лишить ее важнейших экономических баз и решительно воздействовать на Балканские страны в вопросах участия их в войне; или к северу от Брест-Литовска, с задачей нанести поражение главным силам германской армии в пределах Восточной Пруссии и овладеть последней»[23].

Что характерно, первым в документе излагался вариант с развертыванием главных сил Красной армии к югу от Брест-Литовская т.е. на Украине. По этому варианту главный удар наносился Юго-Западный фронтом. Однако Западный фронт не должен был сидеть сложа руки. Его задачами было сковывание противника и содействие войскам на направлении главного удара. Сформулированы они были следующим образом:

«прочно прикрывая Минское направление, по сосредоточении войск, одновременным ударом с Северо-Западным фронтом, в общем направлении на Аленштейн, сковать немецкие силы, сосредоточивающиеся в Восточной Пруссии. С переходом армий Юго-Западного фронта в наступление, ударом левофланговой армии в общем направлении на Ивангород, способ-

[22] 1941 г. Документы, Т.2, С. 185.

[23] 1941 г. Документы, Т 1, С. 241

ствовать Юго-Западному фронту разбить Люблинскую группировку противника и, развивая в дальнейшем операцию на Радом, обеспечивать действия Юго-Западного фронта с севера»[24].

По этому варианту в составе Западного фронта предполагалось иметь: 35 стрелковых, 3 танковых, 1 мотострелковую, 3 кавалерийских дивизии; 4 танковых бригады и 39 полков авиации. Эти силы распределялись между четырьмя армейскими управлениями: 3 А (5 сд, 1 тбр), 10 А (10 сд, 1 тд, 3 кд, 1 тбр), 13 А (5 сд) и 4 А (12 сд, 2 тд, 1 мд, 2 тбр), а еще 3 сд оставалось в резерве фронтового командования.

Второй вариант предусматривал сосредоточение главных сил Красной армии к северу от Брест-Литовска. Это был так называемый «северный» вариант развертывания. Главными игроками по этому варианту становились Северо-Западный и Западный фронты Соответственно Западный фронт получал более амбициозную и сложную задачу, нежели предполагавшаяся по предыдущему варианту. Фронту предписывалось: «ударом севернее р. Буг, в общем направлении на Аленштейн, совместно с армиями Северо-Западного фронта, нанести решительное поражение германским армиям, сосредоточивающимся на территории Восточной Пруссии, овладеть последней и выйти на нижнее течение р. Висла. Одновременно, ударом левофланговой армии, в общем направлении на Ивангород, совместно с армиями Юго-Западного фронта, нанести поражение Ивангородско-Люблинскои группировке противника и также выйти на р. Висла».

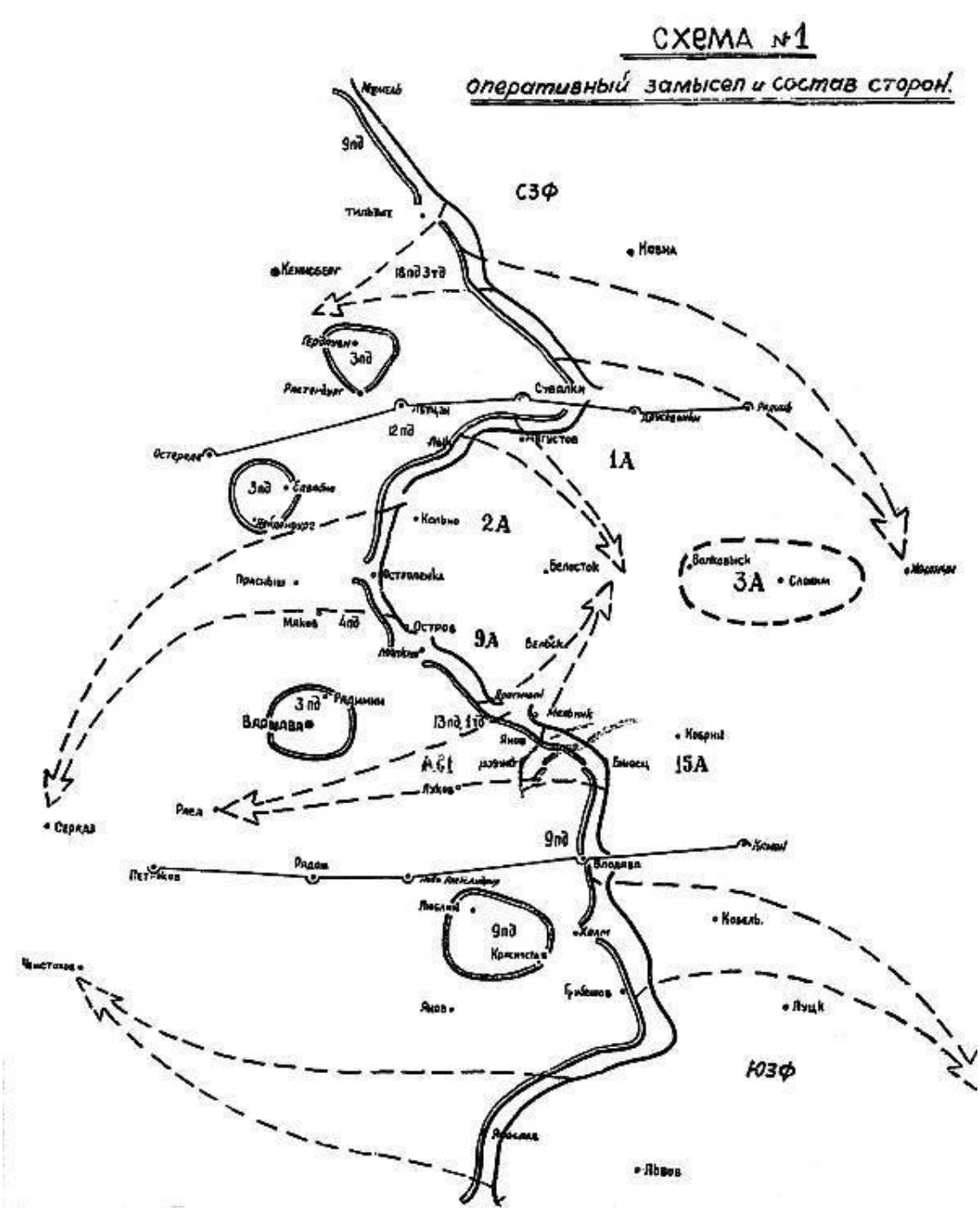
Наряд сил сообразно более сложной задаче увеличивался. Всего в составе Западного фронта предполагалось иметь: 41 стрелковую, 2 моторизованных, 5 танковых, 3 кавалерийских дивизии, 4 танковых бригады и 70 полков авиации. Армейские управления оставались те же – 3, 10, 13 и 4 армии. Отметим существенное наращивание сил авиации фронта в этом варианте. Количество авиаполков в «северном» варианте развертывания возрастает едва ли не вдвое, в то время как количество стрелковых дивизий увеличивается всего на 20 %.

Помимо этого в районе Двинск, Полоцк, Минск за Северо-Западным и Западным фронтами предполагалось сосредоточить дополнительно достаточно многочисленный резерв Главного Командования . Он должен был состоять из14 стрелковых дивизий, 4 корпусных управлений и 1 армейского управления (из Орловского округа). По первому («южному») варианту развертывания такого сильного резерва в тылу наносящего главный удар фронта (тогда им был ЮЗФ) не предусматривалось. Резерв этот предназначался «для развития удара, или для контрудара против наступающего противника».

Главным преимуществом «северного» варианта была быстрота развертывания. По плану предполагалось, что сосредоточение армий закончится уже на 20 день от начала мобилизации. Только дивизии резерва фронта и Главного Командования сосредоточивались уже в первые дни операции. Связано это было с лучшим развитием дорожной сети в полосе двух фронтов к северу от Брест-Литовска. Соответственно сосредоточение по «южному» варианту развертывания могло быть закончено лишь на 30 день от начала мобилизации. Составителям плана пришлось констатировать: «Столь поздние сроки развертывания армий Юго-Западного фронта и являются единственным, но серьезным недостатком данного варианта развертывания».

Однако у «северного» сохранялся тот же недостаток, который заставил Мерецкова искать альтернативы плану Шапошникова. Штурм Восточной Пруссии отнюдь не гарантировал быструю и главное, эффектную победу. Поэтому уже в самом тексте плана содержалась следующая сентенция: «возникают опасения, что борьба на этом фронте может привести к затяжным боям, свяжет наши главные силы и не даст нужного и быстрого эффекта, что в свою очередь сделает неизбежным и ускорит вступление Балканских стран в войну против нас».

[24] 1941 г. Документы, Т 1, С. 242.

Карта к мартовской игре 1941 г., показывающая направления ударов войск сторон.

Фактически советское военное руководство оказывалось между Сциллой и Харибдой. В одном случае была опасность увязнуть в боях за укрепления, в другом – опоздать с развертыванием и начать первую операцию войны в худших условиях. Если противник упреждал Красную армию в развертывании и сосредоточении, то под вопрос могла быть поставлена сама возможность реализации плана первой операции. В итоге во вводной части «Соображений…» сентября 1940 г. было предложено соломоново решение. Предполагалось, что окончательный выбор между «северным» и «южным» вариантами будет зависеть от «политической обстановки, которая сложится к началу войны».

Однако новые кадровые перестановки в высших эшелонах власти вскоре непосредственно повлияли на военное планирование. Во-первых, по итогам Финской войны новым нар-

комом обороны стал С. К. Тимошенко, ранее командовавший Киевским округом. Во-вторых, бывший начальник штаба Киевского округа Н. Ф. Ватутин стал начальником Оперативного управления Генерального штаба Красной армии. Наконец, в феврале 1941 г. пост начальника Генерального штаба КА занял Г. К. Жуков, до этого полгода командовавший тем же Киевским округом. Конечно, Жуков долгое время служил в Белорусском округе, но это было еще до смещения линии границы на запад. В итоге в конце 1940 г. и начале 1941 г. был окончательно сделан вывод в пользу «южного» варианта развертывания. Этому способствовали как его объективные достоинства, так и субъективные факторы – быстрое продвижение командиров из КОВО на вершину иерархии РККА.

В апреле 1941 г. в адрес командующего Западного особого военного округа Д. Г. Павлова была отправлена директива за подписями наркома обороны С. К. Тимошенко и начальника Генерального штаба Г. К. Жукова. В ней окончательно закреплялась подчиненная роль Западного фронта в первой операции войны. Об этом говорила даже вводная фраза, поясняющая задачу войск Павлова – «С переходом армий Юго-Западного фронта в наступление». Ранее формулировка была другая – «по сосредоточении войск». Т.е. фронт лишался самостоятельности в выборе момента перехода в наступление. Сама задача была выдержана в том же духе: «ударом левого крыла фронта в общем направлении на Седлец, Радом способствовать Юго-Западному фронту разбить Люблин-Радомскую группировку противника. Ближайшая задача фронта – овладеть районом Седлец, Луков и захватить переправы через р. Висла; в дальнейшем иметь в виду действия на Радом с целью полного окружения Люблинской группировки противника, во взаимодействии с Юго-Западным фронтом»[25]. Соседний фронт упоминался едва ли не в каждой фразе: «способствовать», «во взаимодействии».

Впрочем, Западный фронт все же получил самостоятельную задачу локального характера: «Для обеспечения главного удара фронта нанести вспомогательный удар в направлении Варшавы, с задачей захватить Варшаву и вынести оборону на р. Нарев».

Для проведения первой операции фронту выделялось 38 стрелковых дивизий, 10 танковых дивизий, 5 моторизованных дивизий, 2 кавалерийские дивизии и 35 полков авиации. Как мы видим, наряд сил авиации был урезан по сравнению с предыдущим вариантом, однако несколько увеличилось число стрелковых дивизий. Изменения в числе подвижных соединений были связаны с реорганизацией танковых войск. Выделенные для операции соединения попрежнему распределялись между четырьмя армейскими управлениями: 3 А (6 сд), 10 А (7 сд), 13 А (10 сд, 4 тд, 2 мд) и 4 А (12 сд, 6 тд, 3 мд, 2 кд).

Последние известные нам изменения были внесены в советский план первой операции «Соображениями…» от 15 мая 1941 г.

Наряд сил в сравнении с апрельской директивой заметно изменился, теперь для выполнения поставленных планом задач Западному фронту выделялись 31 стрелковая, 8 танковых, 4 моторизованных и 2 кавалерийских дивизий, а всего – 45 дивизий. Количество выделенных фронту стрелковых дивизий проседает до 31 штуки. Наряд сил авиации был также уменьшен до 21 полка. Для сравнения: Юго-Западному фронту по тем же «Соображениям…» от 15 мая выделялся 91 полк авиации и 122 дивизии.

Задача фронта была откорректированной версией апрельской директивы:

«с переходом армий Юго-Западного фронта в наступление, ударом левого крыла фронта в направлениях на <Варшаву>, Седлец, Радом,<разбить Варшавскую группировку и овладеть Варшавой> [способствовать] <во взаимодействии с> Юго-Западным фронтом разбить Люблинско-Радомскую группировкку противника, <выйти на р. Висла и подвижными частями овладеть Радом> [и обеспечить эту операцию со стороны Варшавы и Восточной Пруссии]»[26].

---

[25] 1941 г. Документы, Т.2, С. 134.

[26] 1941 год. Документы. Т.2., С.218. Дополнения в тексте взяты в угловые скобки. Вычеркнутая часть текста взята в прямые

По майским «Соображениям…» Западный фронт окончательно превратился в мальчика на побегушках для раздувшегося до размеров борца сумо соседа – Юго-Западного фронта. Если ранее формулировка была «иметь в виду действия на Радом», то в новой редакции город Радом уже нужно брать подвижными частями. Однако в любом случае этот вариант оказался не подписан, хотя и остался свидетельством тенденций в развитии советских военных планов. По иронии судьбы создателям планов вскоре придется импровизировать и радикально менять распределение сил между Западным и Юго-Западным фронтами.

При обсуждении материалов советского военного планирования часто возникает вопрос о наступательном характере планов первой операции. Из этого факта иногда делается поспешный вывод об агрессивном характере советского планирования и даже внешнеполитического курса. Однако в действительности у этого есть достаточно простое объяснение сугубо военного характера. Оборонительный план первой операции в общем случае дело бессмысленное. Мы не знаем реальных планов и направлений главных ударов противника. Если во время войны здесь как-то может помочь разведка, выявляющая группировку противника (с постоянными ошибками и просчетами, заметим), то в период подготовки первой операции группировка складывается «на ходу». Соответственно создавать адекватное ей оборонительное построение собственных войск затруднительно. Целесообразнее иметь наступательный план и пытаться навязать противнику свою волю.

скобки. Правка предположительно выполнена рукой Жукова.

Люди, которые играют в игры.

Одним из важных этапов подготовки армии к войне являются штабные игры на картах. Штабы германских армий, танковых групп и групп армий в феврале-марте провели игры, на которых отрабатывались подготовленные зимой планы операций против СССР. Что же происходило по другую сторону границы? Повествование о предвоенных штабных играх в Западном особом военном округе целесообразно начать с осени 1940 г., когда окончательно сформировалась так называемая «новая граница». Согласно рассекреченным на данный момент документам первая из игр в этот период проводилась 14–18 сентября 1940 г. Официально она именовалась «опытным учением войск с обозначенным противником». Бывший начальник штаба 4-й армии Л. М. Сандалов описал ее следующим образом:

«Осенью 1940 года по разработке и под руководством Генерального штаба в Белоруссии проводилась большая штабная военная игра на местности со средствами связи. На игру привлекались управление военного округа (в роли фронтового управления) и армейские управления. По исходной обстановке противник сосредоточил против войск Западного фронта значительно превосходящие силы и перешел в решительное наступление. 3, 10 и 4-я армии Западного фронта, прикрывая сосредоточение и развертывание главных сил фронта, с тяжелыми боями отходили от рубежа к рубежу, проводя механизированными соединениями короткие контрудары с ограниченными целями, чтобы дать возможность подготовить войскам оборонительный рубеж или ликвидировать угрозу окружения. Отход продолжался примерно до рубежа Слоним, Пинск, с которого прикрывающие армии совместно с подошедшими и развернувшимися свежими армиями перешли в контрнаступление, нанесли противнику поражение, отбросили его к границе и создали условия для следующего этапа наступательной операции.

Как видно из изложенного, обстановка на учении создавалась весьма близкой к условиям начала войны с Германией, но, к сожалению, эта военная игра имела крупный недостаток. Основное внимание на ней обращалось не на организацию отражения наступления противника, а на проведение контрнаступления»[27].

Однако описание учения Сандаловым никак не стыкуется с документами по игре 14–18 сентября 1940 г. Возможно, была еще какая-то игра, проводившаяся в ЗапОВО осенью 1940 г. В сентябрьской игре первая директива штаба Запфронта от 20.00 13.9.40 г. дает следующую вводную по общей обстановке: «Противник силою до двадцати пяти ПД, перешел к обороне на заранее подготовленный рубеж: кан. Августово, Кнышен, зап. берег рр. Нарев, Орлянка и Бяла…»[28].

Соответственно задача войск Запфронта формулировалась так: «Зап. фронт (4, 17, 13 АА) с утра 16.9.1940 г. переходит в общее наступление, нанося главный удар общем направлении Бельск, Остроленко и к исходу 20.9 выходит на меридиан Остров. [В] дальнейшем, развивая наступление [в] направлении Цеханов, выходит на вост. берег р. Висла»[29].

Так что по крайней мере в документах Генштаба отыгрыш оборонительной фазы сражения в игре отсутствует. Некоторые сомнения вносит только номер вышепроцитированной директивы – № 05/оп. Раз номер пятый, значит, теоретически, могли быть директивы с номерами с первого по четвертый. Однако такой номер мог быть присвоен первой реально выпущенной директиве чисто условно, было понятно, что по сценарию игры война уже идее и присваивать директиве первый номер бессмысленно. Одним словом «отражение наступления»

[27] Сандалов Л.М. Первые дни войны. Боевые действия 4-й армии 22 июня – 10 июля 1941 г. М.: Воениздат, 1989, С.40-41.

[28] ЦАМО РФ, ф.28, оп.11627, д.27, л.2.

[29] ЦАМО РФ, ф.28, оп.11627, д.27, л.2.

и начальный период войны вообще, вопреки утверждениям Сандалова, скорее всего, вообще не рассматривалось.

По сценарию учения одна из трех армий фронта должна была ввести в прорыв механизированный и кавалерийский корпуса. Мехкорпус с условным 16-м номером должен был наступать в направлении Остроленка, Нейденбург т.е. прорываться с «макушки» белостокского выступа в Восточную Пруссию. Такая задача вполне созвучна сентябрьским 1940 г. «Соображениям…», в которых, например, указывалось: «Западный фронт – основная задача – ударом севернее р. Буг, в общем направлении на Алленштейн, совместно с армиями Северо-Западного фронта, нанести решительное поражение германским войскам, сосредоточивающимся на территории Восточной Пруссии, овладеть последней и выйти на нижнее течение р. Висла». Город Нейденбург находится к юго-западу от Алленштейна т.е. учебное направление наступления мехкорпуса в целом соответствовало назначенному по реальным оперативным планам.

Интересной деталью директивы на наступления в учениях было плановое подчинение механизированному корпусу после ввода в прорыв двух авиадивизий. Эта идея витала в воздухе, позднее на совещании комсостава в декабре 1940 г. командир 4-го мехкорпуса Потапов предлагал создать воздушно-механизированное объединение. Вообще учение сентября 1940 г. было весьма разносторонним. В частности к нему привлекалась даже авиадесантная бригада. В вышеупомянутой директиве Запфронта ей приказывалось «быть готовой к высадке» с задачей «не допустить подход резервов противника на тыловую оборонительную полосу до подхода МК». Нельзя также не отметить одну из задач ВВС по сценарию учения: «разгромить авиацию противника на аэродромах». Остальные задачи были более традиционными – «прикрыть сосредоточение» и «воспретить перевозки».

Еще одна оперативная игра состоялась весной 1941 г. С ней читатель уже успел познакомиться во «Введении» этой книги. Относительно подробностей этой игры Сандалов даже не стал распространяться, ограничившись одной фразой:

«В марте—апреле 1941 года штаб 4-й армии участвовал в окружной оперативной игре на картах в Минске. Прорабатывалась фронтовая наступательная операция с территории Западной Белоруссии в направлении Белосток, Варшава»[30].

[30] Сандалов Л.М. Первые дни войны. Боевые действия 4-й армии 22 июня – 10 июля 1941 г. М.: Воениздат, 1989, С.41.

Тракторы СТЗ-5 с гаубицами М-30 и М-10 на буксире на параде на Красной площади. Для механизированных соединений эти тягачи уже не годились.

В свете жесткого табу на материалы предвоенного планирования, характерного для советского времени, эти слова Сандалова выглядят своего рода откровением. Однако в данном случае бывший начальник штаба 4-й армии достаточно точно сформулировать суть проведенного учения. Согласно имеющимся на материалах игры утверждающих пометкам сценарий для нее был проработан в начале февраля 1941 г. Проводилась игра с 15 по 21 марта 1941 г. в Минске. На неё были привлечены: штаб округа, окружные управления, штаб ВВС округа, штабы 3, 4 и 10-й армий и штаб Пинской флотилии. Кроме того, в качестве армейских управлений были привлечены штаб 5-го стрелкового корпуса и отдел боевой подготовки штаба округа. За штабы ВВС армий играли штабы авиадивизий. Также к игре был привлечен штаб 3-го авиакорпуса дальней авиации.

Вводная к игре была сформулирована следующим образом:

«В результате встречных сражений войска Западного фронта «восточных» отразили наступление «западных» и, перейдя сосредоточенными силами в контрнаступление, по разгроме противостоящей группировки противника, к исходу 15.3 вышли на рубеж р. Писса, р. Нарев, р. Буг»[31].

Таким образом, сценарий событий, предшествующих отыгрываемым, был описан вполне однозначно. Согласно замыслу начальный период войны прошел для советской стороны более-менее удачно. Соответственно по сосредоточении войск из глубины страны было проведено успешное контрнаступление. Налицо сдержанный оптимизм относительно возможных вариантов развития событий. Советское руководство не питало иллюзий относительно темпов развертывания и мобилизации Красной армии однако считало, что даже при некотором упреждении в развертывании удастся избежать крупных катастроф. Шапкозакидательских настроений с расчетом на удержание линии границы мы в задании на игру не наблюдаем. Также нельзя не

[31] ЦАМО РФ, ф.28, оп.11627, д.33, л.3.

отметить, что во вводной на игру указывались потери соединений в предыдущих боях, иногда довольно высокие.

Одновременно в задании обнаруживается целый ряд, прямо скажем, странных допущений. Во-первых, в нём сказано: «Главные силы «западных» сконцентрированы против ЮЗФ и наносят удар в общем направлении Люблин, Луцк, Шепетовка». Возможно это следствие некоторых метаний относительно возможных планов противника. В сентябрьских 1940 г. «Соображениях…» было ясно сказано, что главный удар противника ожидается «из Восточной Пруссии через Литовскую ССР». В апрельской 1941 г. директиве Павлову, напомню, звучала другая версия: «Развертывание главных сил немецкой армии наиболее вероятно на юго-востоке, с тем чтобы ударом на Бердичев, Киев захватить Украину».

Вторым странным утверждением было следующее: «Механизированные соединения «западных» сосредоточены, главным образом, против ЮЗФ и СЗФ, где противник применял тяжелые пушечные танки. На направлении Аугустув и Седлец противник применял только средние и легкие танки старых образцов». Такая вводная существенно облегчала задачу войск Западного фронта – опасных контрударов мехсоединений противника должно было быть меньше. В какой-то мере такое допущение о распределении мотомеханизированных сил противника соответствовало предыдущему тезису о главном ударе на Украине. По плану игры против ЮЗФ действовали 70–80 пехотных и 5–6 танковых дивизий, против СЗФ – 27 пехотных и 3 танковых дивизии, а против ЗФ на первом этапе – 36 пехотных и 2 танковых дивизии. В скобках отметим, что для нападения на СССР по плану «Барбаросса» было выделено вдвое больше танковых дивизий. Более того, по плану Генштаба КА о стратегическом развертывании вооруженных сил Советского Союза от 11 марта 1941 г. предполагалось, что Германия развернет против СССР 20 танковых и 15 моторизованных дивизий. Таким образом, изначально в игру был заложен некоторый элемент «поддавков».

Численность авиации «западных» по плану игры составляла 2611 самолетов, «восточных» – 5 657 самолетов. Вновь, как и на осенней игре всплыла тема ударов по аэродромам. Во-первых, эту стратегию приписывали противнику. Вводная о воздушной обстановке гласила: «ВВС «западных» в период 12–15.3 активно действовали по войскам, жел.-дорожным узлам и аэродромам». Во-вторых, на тех же действиях строилась стратегия противоположной стороны т.е. фактически ВВС Красной армии. По той же вводной «ВВС «восточных» в период 13–15.3 продолжали борьбу за превосходство в воздухе, прикрывали ударную группировку 2 А, взаимодействовали с наземными войсками по уничтожению отходящих войск противника, прекращали жел.-дор. перевозки, уничтожали авиацию противника на ее аэродромах и не допускали подхода резервов противника к фронту по грунтовым дорогам»[32]. Таким образом, перед нами весь спектр возможных задач, включая удары по аэродромам.

Общая оперативная задача, которую предстояло отработать в ходе учения, была поставлена наступательная:

«Войска Западного фронта по выполнению частной операции по захвату Сувалкского выступа, надежно прикрывшись 1 А с севера, завершают разгром противостоящего противника и к 23.3 выходят на р. Висла в готовности к последующему удару в направлении Лодзь для разгрома совместно с ЮЗФ главных сил Варшавско-Сандомирской группировки «западных»»»[33].

Нумерация армий в игре никак не пересекалась с реальной нумерацией армий Западного особого округа и Западного фронта по «Соображениям…». В игре участвовали 1, 2, 9 и 15-я армия, а дополнительно в состав фронта прибывала 3-я армия. Соответственно на стороне «западных» действовали 5, 8, 9 и 10-я армии и отдельный армейский корпус. Состав армий Западного фронта см. в таблице.

---

[32] ЦАМО РФ, ф.28, оп.11627, д.33, л.4.

[33] ЦАМО РФ, ф.28, оп.11627, д.32, л.6.

Таблица. Состав Западного фронта по сценарию игры.

	1 А	2 А	9 А	15 А	3 А	Резерв	Все
сд	13	24	10	20	21	-	88
тд	-	4	-	4	-	-	8
мсд	-	2	-	2	-	-	4
кд	-	3	-	-	-	-	3
ад	2	3	1	2	-	5	13
мбр	-	-	-	-	-	4	4
тбр	4	7	3	7	7	-	28

Разумеется, такой прорвы управлений корпусов в Западном особом округе в марте 1941 г. не было и не могло быть. В качестве играющих за штабы корпусов были привлечены командиры и начальники штабов корпусов с группой своих командиров (по 5–6 человек), которые играли сразу за 2–3 корпуса, стрелковых или механизированных. Для этого были привлечены штабы 1, 4, 21, 28 и 47-го стрелковых корпусов, 6-го мехкорпуса и 6-го кавкорпуса.

Состав сил сторон удивляет в мартовской игре больше всего. Против 36 пехотных и 2 танковых дивизий «западных» у «восточных» имелось 88 стрелковых, 8 танковых, 4 моторизованных и 3 кавалерийских дивизии. Превосходство с учетом прибывающей 3-й армии более чем двукратное. По «Соображениям…» сентября 1940 г. даже в северном варианте развертывания наряд сил для Западного фронта предусматривал всего 41 стрелковую дивизию, 2 моторизованные дивизии, 5 танковых дивизий, 3 кавалерийских дивизии и другие части. По более позднему документу, директиве наркома обороны и начальника ГШ КА Павлову апреля 1941 г.(см. выше), Западному фронту назначались даже более скромные силы. Фронт должен был наступать силами 38 стрелковых, 10 танковых, 5 моторизованных и 2 кавалерийских дивизий. По «Соображениям…» от 15 мая 1941 г. Западному фронту (ЗапОВО) выделялись 31 стрелковая, 8 танковых, 4 моторизованных и 2 кавалерийских дивизии. Ни о каких 88 (и даже 67 за вычетом «игровой» 3-й армии) стрелковых дивизиях в реальных планах не было и речи. Уже поэтому называть мартовскую игру отработкой реальных планов язык не поворачивается.

Неудивительно, что при подавляющем превосходстве в силах наступление войск Западного фронта в «игре» развивалось весьма успешно. На направлении главного удара фронта, в полосе 2-й армии против 18 стрелковых, 4 танковых, 2 моторизованных и 3 кавалерийских дивизий «восточных» действовали 8 пехотных и 1 танковая дивизия «западных». На брестском направлении, где наступала 15-я армия 15 стрелковым, 4 танковым и 2 моторизованным дивизиям «восточных» противостояли 9 пехотных и 1 танковая дивизия «западных». К «игровому» 19 марта войска «восточных» вышли силами 2-й армии к Праснышу и Цеханову, силами 15-й армии – на подступы к Демблину. К 23 марта войска Западного фронта вышли к Висле силами 2, 9-й армий и правым крылом 15-й армии. Справедливости ради нужно отметить, что в игре предусматривалось прибытие резервов противника. Так группировка «западных» перед фронтом 2-й армии «восточных» усилилась через двое-трое суток после начала боев до 10–12 пехотных дивизий, группировка перед фронтом 15-й армии «восточных» – до 15–16 пехотных и 2–3 танковых дивизий.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.